

МАЛЫЙ СЕРЕБРЯНЫЙ ВЕК

**АЛЕКСАНДР
ТУРИНЦЕВ**

**ОБРЫВИСТОЙ
ТРОПОЙ**



ММХII

МАЛЫЙ СЕРЕБРЯНЫЙ ВЕК

Александр Туринцев
ОБРЫВИСТОЙ ТРОПОЙ



МАЛЫЙ СЕРЕБРЯНЫЙ ВЕК

АЛЕКСАНДР ТУРИНЦЕВ

ОБРЫВИСТОЙ ТРОПОЙ

Стихотворения



Водолей
Москва – 2012

ББК 84(2Рос=Рус)6
УДК 821.161.1
Т87

Редакционная коллегия серии:

Р. Бёрд (США),
Н. А. Богомолов (Россия),
И. Е. Будницкий (Россия),
Е. В. Витковский (Россия, *председатель*),
С. Гардзонио (Италия),
Г. Г. Глинка (США),
Т. М. Горяева (Россия),
А. Гришин (США),
В. В. Емельянов (Россия),
О. А. Лекманов (Россия),
В. П. Нечаев (Россия),
В. А. Резвый (Россия),
Р. Д. Тименчик (Израиль),
Л. М. Турчинский (Россия),
А. Б. Устинов (США),
Л. С. Флейшман (США)

Составление, подготовка текста,
послесловие и примечания *В. П. Нечаева*

ISBN 978-5-91763-123-3

- © В.П. Нечаев, составление, подготовка текста,
послесловие и примечания, 2012
© Издательство «Водолей», 2012

* * *

Потише, милая...

Спокойнее, не надо торопиться
и ножками перебирать.

Ты шею, свитую в изгибе непокорном,
не сился выпрямлять.

Я повод не отдам и шенкелями властно
тебя не обниму.

Пойми, Жизель,

пойми, мы отступаем.

Куда?

Да в никуда. Во тьму.

Бои закончились.

Мы проиграли,

Разбиты, раз и навсегда.

Россия позади,

а впереди страна чужая...

Опять шалишь, Жизель.

Нет, никогда!

Я уношу ее с собой...

Пусть это вздор.

Давно уж нет моей России,

Но без нее – как жить всему наперекор?..

Поможет Бог –

Мессия!

1921

* * *

Как часто мы умели умирать.
Как жить тогда казалось просто:
К ночи вались на грязную кровать,
А поутру поход – штурм моста.

Теперь не то. Теперь всё сложно:
Когда приказа не трубит трубач.
И всё кругом так ненадёжно...
Кого атаковать?

Не знаю...

Плачь!

В уме бессмыслица-зараза.
Тревожит жизни мышья беготня.
Куда идти? Как без приказа?
Найдется ли смысл жизни для меня?

<1922>

В УСАДЬБЕ

Ксане К.

I

Жмутся к ограде опавшие листья,
Гонит их ветер и кружит волчком;
Тихо качаются длинные кисти
Стройных берез, окружающих дом.

Шепчут березы о чем-то тоскливом,
В урнах террасы увяли цветы...
Черные вороны криком унылым
Мне навевают о прошлом мечты...

II

Ветер воеет, играя листвою,
И срывает концертный плакат.
Вы забыли проститься со мною,
Даже бросить утомленный взгляд.

В Вашей комнате всё так тоскливо,
Всё о Вас навевает мечты.
Так печальны и так молчаливы
Позабытые Вами цветы...

И кружит по аллеям безлюдным
Ветер осени желтый наряд,

Точно в пляске кошмарной, безумной
Исполняет предсмертный обряд.

Всё ушло в беспредельные дали,
Всё умолкло, забыто, молчит;
Лишь поет ветер песни печали
Да опавшей листвою шуршит...

Ветер воеет, играя листвою,
И кружит в мгле осеннего дня.
Вы забыли проститься со мною,
Даже... даже взглянуть на меня...

1923

Брест-Литовск

ЗАБЫТЫЕ

Памяти павших под Сморгонью

Дали зовущие, дали манящие.
Мертвое поле, окопами взрытое.
Вороны, с криком куда-то летящие.
Там, у дороги, орудье подбитое...

Небо, свинцовыми тучами скрытое,
Холмы могил и кресты почерневшие,
С хвои зеленой венки кем-то свитые,
Плачут березы, над ними поникшие...

Грустные, белые, поздне-осенние,
Низко склонившись, цветы запоздалые
Шепчут забытым могилам – «Прости!..»

Дали зовущие, дали манящие,
Ветры холодные, жутко шумящие –
«Боже, прости их, прости...»

<1923>

ФИЛОСОФИЯ ИСТОРИИ

Играли в парке деточки.
Кто в серсо, кто просто в песочек,
А кто в войну.
Начертили на дорожке клеточки
– Длинные и покороче.
Эй, прыгай, кто хочет, –
Через одну.

Такие ребятки милые.
Есть серьезные и шаловливые.
Из-за песочка ссорятся, плачут.
Кончили войну – играют иначе...

Апрель 1923

* * *

К колодцу – задыхаясь... – пуст!
Всей нежностью к тебе – уйди...
И, пальцы стиснув крепко, в хруст,
Сдавить, и – навзничь – стон в груди.
От слабости твоей я – щит.

О, если бы, плотину разломав,
И камнем из пращи –
Стремглав –
Упасть жестокой хищной птицей
К рукам тем, песням лебединым,
И с хриплым клекотом орлиным
В коленях трепетных зарыться.

Для победителя исход смертелен поединка.
Любимая, освободи! Щит – скоро пополам!
Тупым ножом по воплю струн сурдинка,
Хлыст по измученным глазам...

– А в сумерках рубец раскрытых уст...
Молчу. Лишь крепко, крепко – руки –
В хруст!

Май 1923

РАЗЛУЧНАЯ

Броском – от неостывших ласк к разлуке.
Последний стиснуть в горле крик,
С плеч оторвать вцепившиеся руки
И в прошлое швырнуть всё сразу, вмиг.

В глаза поцеловав, как мертвую,
Как материнский перед казнью крест,
Без слов покинуть распростертую
Вовек единственную из невест...

Сквозь серые года ненужные
Обрывистой тропой сыпучей
К необрученной моей суженой
Тянулся медленно по кручам.

Ей обреченный – знал заранее:
Нам не любить – друг друга ранить;
Ей не взлететь, подбитой горлице,
Мне одному стареть и горбиться.

На раны – соль,
– Крепчает боль.
Так легче.
– Брось;
Так надо:
– Врозь.

По вольной по дороге
Пойду, посвистывая:

Прочь из моей берлоги,
Тоска неистовая!
Эй, ты там, непутевый,
Садись-ка рядышком.
Скуля, приполз я снова
К веселеньким ребяташкам.
Да не смотри так – князем,
Не хорохорься,
Не то сгребу и – наземь –
– Со мной не ссорься!
В разгул пойду я с вами –
– Пей, купленная!
Чтоб захлестнула память
Дни сгубленные.
Не можешь шире размахнуться –
– Хнычь жалостно впросонках.
Эх, плоская душонка
И мелкая, как блюдце.
В аллею скройся липовую,
Грусти и помни,
Да забирайся, всхлипывая,
В местечко поукромней.

Как скучно с вами, тошно мне...

Через пожары б, вихрем – в сечу,
Всех принимающей навстречу;
С конем – в одно, напружив жилы,
– Бурли, отвага хмельная,

Чтоб острая, свирельная
Мне мозг мой просверлила...

Не убежать уж никуда мне,
Хватиться б головой о камни –
– Лежать распластанному – ниц
Под опакалами ресниц.

Июль 1923

* * *

Не отпускает даже в логове.

Измаяла.

Недужится тревогою

Душа – больная лань.

Жизнь мою кнутом подхлестывает,

Жизнь непрочную, берестовую...

Или один на острой мысли сталь иди –

– Не выдержишь – погонит на́ люди.

Так день за днем протискиваюсь туго.

Ползком да помаленьку.

С ступеньки на ступеньку.

– Не отстает подруга.

Ластится, как девица,

По сердцу расстелется

И ну нашептывать:

Напрасны хлопоты твои,

Никуда уж без меня,

Никогда уж не унять.

Станешь милую обнимать,

Опостылит вдруг.

Проберусь и на кровать, –

– Не меняй подруг.

А откуда я, почему с тобой –

– Не дознаешься, не выпытывай.

Коль захочешь, мой родной,

Поведу тебя я в бой –

Забубенную сложить под копытами.

И на виселицу – вместе до помоста,
Как верная жена, хоть без венца.
Не развяжешься со мною, милый, просто,
– Ты и в смерти не найдешь конца.

Август 1923

* * *

С недавних пор мне чудится всё чаще:
В обыкновенный трезвый день
Над городом чужим, как шмель гудящим,
Тревожная встает вдруг тень.

– То над людской беспечной кучей
Уже неотвратимый случай
Заносит властные крыла.

И, бросив исподлобья взгляд колючий
На ваше сытое благополучье,
На ваши вздорные дела, –

Не понимаю, как – слепые совы –
Подъятого не видите бича;
Непрочные над ним застонут кровы,
И будете вы биться и кричать.

И будет час. И ночи будут лунны,
Когда неведомые хлынут гунны
Неистойвой голодной ордой.

Не преградить их буйного прилива.
И по сметенным селам, тучным нивам,
Пройдя прожорливую саранчой,

Оставят за собой лишь пепелища.
Огню, мечу довольно будет пищи.

Развеют и сожгут столетний потный труд
И в петле огненной ваш город захлестнут.

Ворвутся в улицы, в дома и храмы ринут.
– О, как заплатите за сытость и покой!
Забыв свой жалкий скарб и пышные перины,
Вы стадом броситесь по гулкой мостовой.

В размах пойдет раскачка с городского рынка,
Накатится горой под крик и хриплый вой
Всеевропейская последняя Ходынка.

Сентябрь 1923

* * *

По мокрой, каменной панели,
В столичном, тягостном угаре
Тоскливо, медленно, без цели
Бредут задумчивые пары...

И звон разбитого стакана,
Рояля горестные звуки
Летят из окон ресторана
Во мглу тоски, печали, скуки...

А жить без цели, без охоты,
Когда тоска и скорбь так часты;
Не проще ль сразу кончить счеты,
Нырнув туда, под своды моста...

Октябрь 1923
Прага

ЭПИЗОД

За каждый куст, канаву – бой,
Уж много дней –
Одно лишь – бей!
Рвутся вперевбой
Под пулеметный град,
Маршрут прямой:
– Петроград.
Станции с грудями
Вывороченных шпал,
Впереди и вокруг дымит
Огненный карнавал.
Усталый, грязный, давно не бритый,
Мимо горящих сел,
По дорогам, взрывами взрытым,
Он батарею вел.
Бинокль – в левой, в правой – стэк,
И прочная в межбровьи складка
Сверлит из-под тяжелых век,
Как у борзой взгляд перед хваткой.
Без двухверстки места знакомы,
Все звериные лазы в лесу,
Всё быстрее к недалекому дому
Крылья прошлого сердце несут.
За шрапнельным дымком к колокольне,
Не забывшей простой его свадьбы,
А оттуда тропой богомольной
К затерявшейся в кленах усадьбе.

Взяли мост.
И опять – приказ прост:
Первый взвод,
Шагом марш – вперед.
Где за горкой – лощина, –
Мать когда-то встречала сына,
А теперь, как злой пес, – пулемет.
Знать, родной растревожили улей,
Если острыми пчелами – пули.
Стой! С передков! – Давно готово.
Или позабыл привычное он слово?
Переломились брови криво –
– На карту всё, – мое не тронь? –
И, как всегда неторопливо:
Прямой наводкою... Огонь!

Октябрь 1923

ПАРОВОЗ

Из темноты глаза огромной кошки –
Твоих два глаза, паровоз.
Такой же, как и ты, тот враг сторожкий
Всю радость у меня увез.
Умчался в непогоду, в тьму,
Сверля огнями вечер мгlistый.
И мне тупое слово «муж»
Впервые стало ненавистным.
Вы зябко кутались в углу,
Смотрели в глубь себя во мглу,
И по вагонному стеклу
Чертили думы тот же круг.
Так трудно думалось о двух...
Когда недолгую мою зарю
Завесит времени седая грива,
Свой скорый буду ждать и Вас не укорю.
Как и тогда, я усмехнусь лишь криво
Подмигивающему фонарю.

Ноябрь 1923

* * *

Он никогда не будет позабыт,
Гул оглушительных копыт.
Взбесившихся коней степные табуны
Куда-то пронесли неукротимо злы
И оборвались со скалы...

Душа – убогий ветеран, на шраме – шрам,
Ждет оправданья тем годам
Неслыханного головокруженья –
Освобождающего нет креста.
И простота вокруг и пустота.

Декабрь 1923

ЭПИГРАММА

По левому берегу скучной толпой
Идем мы, рыдаем и стонем.
Россия лишь в «Воле России» одной,
Ее редактирует Слоним.

<1923>

МУЗЫКА

М. Цветаевой

Когда на симфоническом концерте
Вдруг –
Паузами сердца стук,
И по спирали, в высоту
К последнему, еще – и к смерти
Срывается ракетой душа,
Когда в ушах
Тяжелая, из бархата, струя
Виолончелей плещет,
А захоловушая, легкая моя
На страшной вышине трепещет,
Когда оркестр дышит грузно, не спеша,
Как талая земля вздыхает ночью, –
Боюсь: мгновенная всё перережет медь,
И потолок – на ключья,
И будет некуда душе лететь.
Я так боюсь, что вспыхнет слишком ярко
Свет, ослепляющий до дна,
И Божьего огромного подарка
Не выдержит она.

* * *

О, справедливей бешеная плеть
И ласковее пламень адских горнов
Прошелестевшего в письме покорном:
«Меня Вы не хотите пожалеть...»

Все громы труб архистратигов,
Смерть пробуждающая медь
Слабей упавшего так тихо:
«Вы не хотите пожалеть...»

Те твердые слова, что на разлучном камне выбил,
О, разве это месть?
Подумайте о той – великой лжи на дыбе,
Которую нельзя не произнести.

Январь 1924

ЭМИГРАНТСКОЕ

*Светлой памяти
умершего Вл. Ив. Налетова
посвящается*

Не полынь с травой-повиликою,
Не крапивушка разрастается, –
То над нами – горемыками
Злое горюшко увивается.

Всё грозит бедой неминучею,
Не дает пожить, как нам хочется...
При безвременьи виснет тучею,
Черным вороном вслед нам носится.

Будто свянув, желтый лист
Ветром северным всюду носится, –
Мощь казацкая под злорадный свист
По чужим землям гибло тратится...

И ужель судьба на безвременьи
До седого – до бела волоса
Без семьи своей, роду-племени,
На чужбине жить уготовила?

Будто осенью вянет маков цвет –
Жизнь бродячая – беспросветная...

На борьбу с судьбой прежней силы нет,
Лишь в груди тоска безысходная...

<1924>

КОННИЦА

Как по площади пройдешь ты серединою,
Легкою стальной пружиною –
Перебойный цок подков,
Ключья пены с мундштуков,
Кони-лебеди – поджары,
А штандарты славой стары,
Дерзкие хлестнут фанфары,
Тонконогие запрядут,
Проплывая ряд за рядом, –
Раскрасавица, царица конница,
Красоте твоей кто не поклонится!

Уже бранными пошла полями,
Дорогами пыльными...
Похрустывая трензелями,
Стежками шьет сильными.
Не гостьей паркетною – коршуном
Мелькнула в селеньи заброшенном.
Всё круче стремится, всё напористей
Беззубой навстречу, без горести!
Пред тугокрылой птицей-конницей
С опаской кто не посторонится,
Кто встанет на дороге?!

Одна лишь... Многих, многих,
Последний перервав галоп,
Косою, – наземь... Скомкает...
Не перекрестит мертвый лоб
Рука девичья, тонкая...

От края до края – рокотом...
Брови сдвинуты, как в церковь идут.
Обвалом находит – грохотом...
Сжались плотно, в ивовый жгут.

Рыси прибавь!

Или не видишь, Господи, –
От гранат земля оспою

Взрыта, ряба...

Вот первые – уже поют,
Зачмокали...
Взметнулась соколом
И по жнивью
Вдруг – лавою
За смертью и за славою!..

Как гневный демон, –
На огненную стену,
Всесокрушающими потоками
И – наотмашь, с наскока
 Рушь!

Смертоносная несется конница,
Вражья голова – покойница!

<1925>

* * *

Зачем всю жизнь стремилась ты, спеша,
Всё испытать, познать, тревожная душа,
Страдать, скорбя, и о своих и о чужих грехах.
Ты силилась сиять на светлых торжествах,
Печалиться на погребальной тризне...
Но поздно-поздно поняла:
Нет двух путей – добра и зла,
Есть путь один, ведущий к жизни.

1925

НА ВОКЗАЛЕ

Дебаркадер. Экспресс. Вагон и – Вы.
Не опуская головы,
В упор глаз в глаз,
На Вас смотрю, на Вас.
Вы за щитом – мы не одни.
Сейчас не должен дрогнуть рот.
Ну а потом... Потом один все дни,
Один в норе, как крот.
Всё просто так: была игра.
Потом – всю жизнь на стол.
Не приняла. Я не ушел.
Теперь – конец, и впереди – дыра.
И Вам спокойных уж не знать дорог, –
Зарвавшийся не я один игрок.
И вот: недвижимый, тусклый взгляд лова,
Кольцом из трубки задави.
Ведь всё равно, когда вот так глядят,
Не возвращаются назад.
Вы не придете, знаю, никогда.
И мне огромные глаза
Тащить через года.
Свисток. Ну, воля, напрягись!
Сейчас не должен дрогнуть рот.
Спокойнее. В глаза – не вниз,
Быть может, я и не банкрот?
Ведь стоит и впереди – безбрежность,
Ведь порвалась одна лишь нить.

И кто сказал, что я могу любить,
И кто сказал, что у меня есть нежность!

1926

* * *

Люблю бродить я по бильярдной
И слушать цоканье шаров,
Глядеть на мир пустой и смрадный
И всё же – лучший из миров!

1926

* * *

Я устал усталостью последней
От убогой жизни мелочно-тоскливой,
И от молодо-кипучих бредней,
И от ласковости женской лживой.

1926

* * *

Всё тот же мир...

Но как мне рассказать,
Что всё иным и бездуховным стало.
Не верится, что слово «благодать»
Полней всех слов других звучало!
Не верится...

На горестной земле,
Прогоркшею слезами, кровью, потом,
Свет обрести немеркнущий во мгле
И взлететь к божественным высотам.

1927

* * *

Нет, ветхий человек во мне не умер.
Я сыном Света не был и не стал.
Но в тихий час моих предсмертных сумерк
Беззвучный голос Твой я услышал.

1927

* * *

Мне руки нежные твои
Напомнили о светлом рае.
Я так хотел бы, умирая,
В ладони немощные взять
Твои состраждущие руки;
И в предстоящей нам разлуке
Их на прощание пожать!

1949

ПОСЛАНИЯ

К. Померанцеву

1

За спором шумным, бестолковым,
Когда играет ум, и острым словом
Бьет каждый всех, лишь слушая себя...
Забыл, прости, благодарить тебя –
Поверь, как я теперь о том жалею!
За дружбы знак и щедрости, твоей
Изысканности жест, за Романею!
И сей Бургундии блестящий дар
Я пил рассеяно, как пьют Pinard.
Мне горечь от пустых запальчивых речей
Vosne Romanée и отравила вкус, ей-ей.

2

Ты далеко сейчас, над озером
Женевским, там в горах.
Мечтаешь ты, и мысль твоя кипит;
И вдохновение – Эвтерпа, лучшая из муз,
С улыбкой на устах
Несет тебя, послушна и робка,
В твое уединенье...
Здесь, в Лондоне, туманами и сплином
аглицким дыша,
Смотрю в окно...

От неба серого летит моя душа
К Савойе голубой и видит Альп вершины и снега.
Прозрачен воздух, тишина, благоуханные луга
И на лугах рождественские ели...

3

Свиданья день придет.

Мы соберемся снова
Для споров и бесед у друга дорогого,
И вкусим вновь от бархатной густой струи
Aloxe-Corton, Pommard или St. George Nuits.
Лишь нашей зрелости доступное блаженство,
Культуры Галии седое совершенство.

1950

* * *

Надрывается звонок, и трещит, и кричит
В ледяную тишину, в глухоту, в гранит.
Что ж ты ищешь ее, где никто не живет
И тебя в доме том с нетерпеньем не ждет.

Да, ты встретил ее, ту, что ждал ты всегда.
Вот и всё. Дом – теперь пустота. Никогда
Не увидишь ее, ту, что рядом была,
А теперь в темноту безвозвратно ушла.

<1950>

МОЯ ФИЛЬМА

А. А. Брюю

I

Дел и страстей оборванные хлопья,
Жиреющая память – скряга,
Который год сшивает, копит,
Нанизывая кряду
Ненужный день на день,
Плетет обшарпанный свой приводной ремень.
Как я молил ее: не мучай,
Перечеркни, забудь,
Когда всем миром правит случай,
Как отвечать мне за судьбу?
Душил, глушил в кабацком дыме,
Теперь уже – нет сил.
Разбудит ночью, приподымет,
Чтобы не спал – курил,
Не смел былого запорошить,
Смыть грязь с колес.
Дыша как загнанная лошадь,
Весь груз я вез.

В ночи глухой не будет милости...
И всё, что было да не сбылось,
И каждый твой бессильный взлет,
Вся жизнь, растасканная понемногу,
Кривляясь, станет у порога

И перед взором поползет
Потрескавшейся фильмой на экране.
Из прошлого снопом – лучи.
Неровно сердце застучит
По пыльным клавишам воспоминаний.
Чем дальше, тем быстрее такт.
Повремени.

Вернись,
Мой первый детский акт!
Но в мир иной – рубеж тотчас –
От девичьих скорбящих глаз
И материнских рук,
Тревогой смертною сведенных.
С такою легкостью,
Как при пасхальных звонах,
Взлететь и ринуться,
Не оглянувшись, – вдруг,
В единственно достойную игру,
В тот грохот и оскал войны,
Где жизнь и смерть обнажены,
Где длится годы лихорадка.

II

Теперь кружись мой акт второй,
Дави бульдожьей хваткой.
Кавалерийскою трубой
Пусть режет уши крик былой,
Всех дерзких бунтов след кровавый.

Мне всё равно, мой акт второй,
Не превозмочь твоей отравы.
Пусть прыгает растрепанный сценарий
И медленно мутнеет голова.
Всплывут опять в хмельном угаре
Незабываемые острова...

Предавшие меня соблазны,
Я всё хочу вас, как хотел.
И женских ног охват атласный,
Больная судорога тел.
И пьяных оргий дикие забавы.
Ночных пожаров вещей свет.
И поступь тяжкая военной славы.
Колючий вдохновенный бред.
Так хрипы смерти, медь побед,
Ревущей музыкой вольются
В набат безумнейшей из революций!
Неутолимая гордыни пасть,
Атаки конной вихрь и власть,
Галоп под пулеметов кастаньеты.
Или солгали все приметы, –
Полет Икара – чтоб упасть?
Звените, клоунские бубенцы,
Свой окоем я пылью сузил
И все начала и концы
Заплел в нерасторжимый узел.
Бескрылый, корчись и терпи.
А дни так мелочны и жалки...
Схватиться бы теперь в степи
С татарской конницей на Калке!

Пересеклась моя дорога,
Не молиться на старое знамя.
Здесь смердящими ложью словами
Потихоньку убили Бога.

В ночи глухой не вынести борьбы,
Для мыслей-глыб не будет звука.
Да знаете ли вы, тупые лбы,
Что значит, слово «мука»?
Когда гримасой рвется рот
В натуге сбросить грех заклятый.
Голгофой новою его не смыл бы Тот,
Единожды распятый!
Как кольцами удава стянет горло туго,
Что никому сказать нельзя,
Ни матери, любовнице, ни другу –
Через всю жизнь одна стезя
Мне по сердцу – шагами Командора.
Он близится. Теперь уж – скоро...

III

Наверно, будет так:
Перебирая такт,
Тапер испуганно ударит,
Сильней удара кистеня,
Прервет все сны.
Перевернуться, а со стены

В упор вонзившийся в меня
Зрачков кошачьих, зловещих отблеск карий.
Мигнут.

Сощурятся.

Уйдут.

Ну, подступай же, ненасытный спрут!
Бери зашлепанные карты,
Вновь перекладывая пасьянс.
Лишь поскорей, не отводи удар ты,
Давай решительный сеанс.
Недолгой чертовой обедней
Развесели мой акт последний!
Акомпанируй же, тапер!
Ты слышишь: грудь звенит и ноет.
На искупительный костер
Сошли все чудища с эстампов Гойи.

Остановились, посмотрели –
И закружились у постели
В водоворот шаманской пляски.
Визг, вой...
Эй, тупорылые людские маски,
Я принимаю бой!
На перекошенной картине
Чадят огни,
В одной барахтаемся тине –
Я и они.
Кольцо – теснее, – вьется жгут.
Да неужели я тот шут,

Что пляшет среди них вприсядку,
А в сердце нож по рукоятку?

Раздается, мелочь,
Ходи с туза!
Кто взглянет смело
Мне в глаза?

Не размыкается кольцо,
Хихикают, плюют в лицо,
Плевками солнце тушат.
О, не пронзит любви стрела
Вот эти дряблые тела
И испытые души!
Невмоготу мне,

душно как в гробу.

Когда б закинуть мог судьбу
На дальнюю звезду, пылающую Весту,
Нежнее эльфовых огней
С земли светил бы взор моей
Слюною похоти замусленной невесты.

Но фильма крутится.

Глумится вереница

Разрозненных нелепых сцен,
Видений прежних легкие страницы
Не оживут под тысячью измен.
Теперь хотеть осталось мало:
С холодной твердостью рукой усталой
Все замыслы свои связать и сжечь,
Как связку писем милых – в печь!

Спокойно поклониться праху
И встретить доблестно конец:
Как на престол принять венец,
Взойти на героическую плаху.
Взрасти хоть злобу, бледная юдоль,
Бездарный режиссер искомкать хочет роль!

Иль будет так: усталость
Пригнет к заржавленным щитам,
Чтоб даже эхо не раздалось,
Веселой платы по счетам.
Я знаю, жадно ждете, вороны,
Когда расхлябанный, покорный
Начну дрожать,
 зубами лязгать,
Кляня те гордые лета,
Чтоб заглушить в трясине вязкой
Хруст перебитого хребта
И на осклизлом мокром ветре
Задуть навек мою свечу...

IV

На тысячу шестьсот двадцатом метре,
Не выдержав, вскочу,
Как прежде сильный.
– Послушайте! – вскричу, –
Мне подменили фильму.

Всё перепутал оператор спьяна...
И брызжет память клеветой.
А я не тот разменянный герой
С лицом порочнее портрета Дориана!
Не буду пусть вооружен,
Не затыну коню подпругу,
Но будет страшен этот звон:
Нагою грудью о кольчугу!
О, скоро ряску затхлых вод
Развеет гибельный водоворот.
За веру, что во мне убили,
По всей земле пройдут с мечом,
Отравленную мудрость гнили
Звериным заменив чутьем.
Я стану бледен и суров
При этой схватке двух миров
В самом себе и на планете
При пляшущем багровом свете –
Как не хотеть тогда быть с ними,
С такими жадными и молодыми!

Схвачусь за тугие снасти,
И настезь –
В душе все двери
Для новой здоровой заразы,
Чтоб сразу
Всей кровью поверить,
Гневно трубя,
Крепко – вот так –
Всего себя
Сжав в кулак.

Сладких ваших обманов не надо.
Выпрямлюсь в рост.
Я в себе обрету Эльдорадо,
Мир будет прост.
Жизни простой сочной
Кто потерял след,
Тех разорвет в клочья
Шквал перепутанных лет.
Или мне плакать снова,
Жалостно песни петь?
Не найти ведь такого большого,
Чтоб мог меня пожалеть.
Эй, выбирай скорее,
Время-скакун не ждет.
Двух мне в себе не склеить,
Пусть же один умрет!
Россыпи золота весен
Плавь на огне в звезду.
Их уж прошло двадцать восемь.
Те, кто живут, не ждут.
Смелый идет в пургу,
Ищет цветы в снегу –
В душах грубых и черных
Нежности крупные зерна.

V

Свод пополам расколот.
Фильма развертывается еще.

И снова я молод...
Шулерский рву счет.

Преображенный Лазарь,
Ясно во взгляд недобрый,
В острые два глаза
Зеленоватой кобры
Смотрю:
Всё светлеет –
Нет, на эту зарю
Посягнуть никто не посмеет!
Ни одной слезы старой были,
Расправлю для нового плечи.
В колючих лучах тает нечисть,
Те глаза закатились, уплыли.

Сдираю ветхие отрешья,
Провижу много в буйном свете.
Всё шире грудь вздымает ветер.
И вот – в простом великолепье
По ступеням невиданных дорог
Нисходит Он, теперь мой Бог,
Такой простой и величавый,
Овеянный земною славой.
О, как вскипит, взметнется кровь!
Со мной теперь мой Бог и старая любовь.
Всю мудрость жесткую Твою измерив,
О, Господи, я верю, верю...
Ты, сердце, не стучи.
Узнаю всё сейчас:

Как копьями, Его лучи
Пронзят всех нас.
Восторг мой так...
Он чересчур остер,
Еще...
Но мертвым падает тапер.

1924

ОБ АЛЕКСАНДРЕ ТУРИНЦЕВЕ

В антологии «Строфы века» есть страница, посвященная Александру Александровичу Туринцеву. Вот что писал Евгений Евтушенко, предваряя публикацию туринцевского стихотворения:

«В последние годы был настоятелем русской церкви в Париже и очень часто приезжал в Москву, очаровывая всех, с кем встречался, не только рассказами о встречах с Гумилевым, поэтами «парижской ноты» в пору эмиграции, но и драгоценным умением выслушать чужие боли, обиды, посоветовать. Жаль, что этот уникальный рассказчик и выслушиватель не оставил после себя книгу воспоминаний.

Мне было известно, что отец Александр раньше писал стихи. Но ни в одном из литературных справочников его имя мне не удалось обнаружить, а все взывания к его родственникам по поводу его рукописей остались безответными. Единственное, что мне попало, – его маленькое стихотворение из сборника “Своими путями” (1–2) в Праге. Обратите внимание на последние две строки. Они изумительны. “Освобождающего нет креста” – и это написано будущим священником? Да, крест не освобождает от чужих болей...»¹

Действительно, при чтении стихов Туринцева ощущается присутствие яркой авторской личности.

¹ Евтушенко Е. Строфы века: Антология русской поэзии / Науч. ред. Е. Витковский. М., 1995. С. 311.

Как здесь не вспомнить формулу Жуковского: «Жизнь и поэзия одно».

Поэзия Туринцева хочет быть исповедью. Уже заглавие его поэмы «Моя фильма» говорит, что это стихи о личной судьбе поэта, о его жизненной неудаче, дневник его души. Поэзия Туринцева камерна, это поэзия интимных настроений.

Мировоззренческие искания Туринцева шли рука об руку с его творческими поисками. Согласно времени Туринцев нащупывал новые пути для своей поэзии. Тем не менее, несмотря на потребность поэта быть остросовременным, поэзия Туринцева всё же проста и даже порой безыкусна, так как с самого начала жизни и духовное его зрение было ясным, и крепки классические основы его образования. Его поэзии присущ «монтажный» принцип построения, смена ритма, разорванность.

По сравнению с господствующей в эмигрантской поэзии «парижской нотой», продолжавшей школу символистов, у Туринцева отчетливо подчеркнута иная, скажем так, «московская» поэтическая традиция.

Творческое наследие Александра Туринцева многообразно. Помимо стихотворений ему принадлежат литературоведческие статьи, например, «Литературная жизнь» (1924), критические обзоры о литературе советской России («Поэзия современной России», 1925) и о литературе эмиграции («О русских писателях в эмиграции», 1926), а также работы об общественной жизни, к примеру, «Неакадеми-

ческая статья о национализме» (1924) и т.д. Именно статьей «Неудавшееся поколение», опубликованной в журнале «Студенческие годы» в 1924 г., Туринцев вступил в начавшуюся дискуссию об «отцах и детях». Знакомство с журнально-публицистической деятельностью Александра Александровича нам еще предстоит.

Так уж получилось, что творческая жизнь его, начавшаяся в 1914 г., была им же самым прервана уже к 1927 г. Но чтобы объяснить и понять это, надо вернуться к биографии Туринцева.

Александр Александрович Туринцев родился 15 (27) апреля 1896 г. в селе Пушкино Московской губернии, в семье лесничего Удельного ведомства (управляющего удельными имениями Московского округа), уроженца Гродненской губернии Александра Александровича Туринцева. Мать – Анна Лукинична, (урожд. Полякова), из Можайского уезда Смоленской губернии.

В начале 1900-х гг. семья Туринцевых переезжает в город Ковров Владимирской губернии. Природа средней полосы России наполнила душу Саши Туринцева чувством нерукотворной красоты; с материнской любовью он получил как благословенный дар религиозную веру и идеалистические устремления.

В 1906 г. Александр поступает во Владимирскую классическую (казенную) гимназию, которую окончил в 1914 г. В том же году он принят на юридический факультет Московского университета. В 1916 г. все

студенты были переведены в военные училища. С 1916 г. по февраль 1918 г. Туринцев на фронте. По демобилизации служит во Владимирском потребительском Союзе кооперации, откуда в феврале 1919 г. мобилизован в Красную армию и направлен на формирование в Орел. Однако по приезде на Петроградский фронт в мае 1919 г. Туринцев переходит в армию генерала П. Юденича, в составе которой воюет на Северо-Западном фронте до января 1920 г.

На фронте Туринцев заболевает тифом и с остатками Белой армии уходит через Литву в Польшу. Таким образом, во время Гражданской войны семья Туринцевых разделилась: отец, мать и сестры остались в России, Александр Александрович – в Варшаве, где в июне 1920 г. вступил в Народную добровольческую армию, в которой прослужил до ее ликвидации.

Надо было как-то жить дальше. И Туринцев начал типичную эмигрантскую «карьеру»: зарабатывал на жизнь танцами, пел в хоре, работал санитаром. Сблизился с Борисом Савинковым, печатался в основанной им газете «Свобода» (впоследствии – «За свободу!»). Но после того как его близкий друг, вернувшись из России (где был по заданию Савинкова), застрелился, Туринцев отошел от савинковской организации.

Этот трагический случай стал решающим в жизни Туринцева: он послужил толчком к пересмотру многих его прежних установок. Волею судьбы Туринцев стал свидетелем террора и хамства как со стороны красных, так и со стороны белых. И

не видя, не понимая, у кого больше прав и правды, Туринцев встал «над схваткой». Из всех видов общественной деятельности он выбрал литературу. В 1921–1922 гг. вместе с В. Байкиным, С. Жариным и другими он был членом варшавского литературного кружка «Таверна поэтов», одно время руководимого А. Л. Бемом.

О том, как важно для Туринцева было существование в литературной среде, свидетельствует тот факт, что сразу же по приезде в Прагу, 7 мая 1922 г. он был принят в литературное объединение, вошедшее в историю литературы как «Скит поэтов». Это был период творческого взлета Туринцева. Его статьи и рецензии печатались в журналах «Студенческие годы», «Годы», «Вёрсты»; стихи и рассказы появлялись на страницах журналов «Воля России», «Своими путями», в первом сборнике «Записок наблюдателя».

Туринцев выступал как вдумчивый, интересный критик. Он рассматривал русскую литературу и России, и Зарубежья – как единую. Он был против политической тенденциозности как эмигрантских, так и советских литераторов.

Видимо, осенью 1922 г. на вечере литературного объединения «Скит поэтов», в котором участвовала Марина Цветаева, и произошла его встреча с поэтессой. Марину Ивановну тянуло к молодежи, студенческой среде, к участникам «Скита», к их творчеству. Эта встреча переросла в знакомство: они часто встречались, совершали прогулки по Праге и ее при-

городам. В записной книжке Цветаевой сохранился адрес Туринцева: Horní Černošice, č. 66¹.

В 1924 г. М. И. Цветаева, В. Ф. Булгаков, С. В. Завадский занялись составлением первого выпуска сборника «Ковчег». Уже в письме О. Е. Колбасиной (8 января 1925 г.) Марина Ивановна перечисляет состав сборника и вторым участником называет Туринцева². В цветаевских письмах к В. Ф. Булгакову имя Туринцева встречается неоднократно. Так, в письме от 11 января 1925 г. она пишет: «Стихи Туринцева прочитаны и отмечены. Лучшее, по-моему, “Паровоз”. “Разлучная” слабее, особенно конец»³.

Свое стихотворение «Музыка» Туринцев посвятил Цветаевой. Живя в Париже в 1970-е гг., Туринцев зафиксировал свое впечатление: «Наперекор всему! Наперекор стихиям. И это вслед за Пушкиным. Такова Марина Цветаева. <...> Как всегда категорично, с непреложностью утверждала. Например, из речи (в 1931 году): Пушкин с Маяковским бы сошлись, – уже сошлись. Никогда по существу и не расходились... Враждуют низы – горы сходятся»⁴.

10 ноября 1925 г. Туринцев был принят в Союз русских писателей и журналистов в Чехословакии. Казалось, что положение его в среде русской эмиграции стало прочным. Сейчас трудно сказать, что

¹ Цветаева М. Неизданное. Записные книжки. Т. 2. М., 2001. С. 322.

² Цветаева М. Собр. соч. В 7 тт. Т. 7. М., 1995. С. 706.

³ Там же. С. 66.

⁴ Центральная научная библиотека Союза театральных деятелей. Архив А. А. Туринцева.

подтолкнуло Туринцева к отъезду во Францию. Во всяком случае, Комитет по обеспечению образования русских студентов в ЧСР против его отъезда не возражал.

С начала 1926 г. Туринцев живет в Париже. И снова началось обычное, суровое, предельно бедное эмигрантское бытие. Он не чурался никакой работы: мыл бутылки, был фонарщиком, раскрашивал платки для ателье Краевича и Довида Кнута, пел в хоре Свято-Сергиевского подворья и Русской частной оперы (антреприза А. А. Церетели).

Получив «эквивалент лицензии на право» Русского юридического факультета, Туринцев переживал муки выбора жизненного пути. И в 1927 г. он поступает в Православный Богословский институт, что в Свято-Сергиевском подворье в Париже.

Туринцев отходит от литературы, рвет все связи со светским творчеством. Вот что по этому поводу пишет А. Л. Бему Сергей Рафальский, публицист, поэт, товарищ по «Скиту», называвший Туринцева романтиком: «<...> перейдем к нашему общему другу Шурочке Туринцеву. Узнав, что предполагается ретроспективный сборник, он страшно забеспокоился, как бы его стихи не попали. Думаю, что это искренне. Дело в том, что он все-таки собирается стать монахом и – впоследствии – архиереем. И как раз в ближайшем будущем собирается закладывать первый камень своей духовной карьеры. Согласитесь, что “женских ног охват атласный” в стихах, подписанных А. Туринцевым, для подающего надежды иеромонаха

Александра может оказаться порядочным камнем... преткновения. Всё это – мне кажется бесспорно. И все-таки, Альфред Людвигович, я думаю, что стихи Туринцева обязательно нужно поместить, только отобрав их под соответствующим углом зрения. Мне кажется, что Шурочка просто прячется в архиерейство свою кисельную личность, как рак-отшельник мягкое брюшко в чужую раковину. Внутри же Шурочка останется навсегда “светским” и “суетным”. И я думаю, ему будет все-таки неприятно, если на братской могиле “Скита” его имени не будет. Кроме того, такое забвение и несправедливо. Стихи Шурочки вполне стоящие и – в скитском масштабе – безусловно первого сорта».

Начало 1930-х гг. – сложное время для Туринцева. Из России поступают печальные вести: умерли отец и мать, арестованы сестры Наталья и Мария (была расстреляна). Но он выбрал ту жизненную дорогу, на которой все-таки легче нести ношу житейскую. В 1931 г. Туринцев окончил Православный Богословский институт, получил звание кандидата богословия и диплом первой степени и был назначен к продолжению занятий философией и богословием в Бонне (Германия), но вследствие церковного раскола, не пожелав идти под юрисдикцию Константинопольского Патриарха, лишился этой возможности.

Профессор о. Сергей Булгаков, чьи лекции он слушал в Богословском институте, произвел на него огромное, неизгладимое, решающее впечатление. «Мой мэтр, учитель» – неизменно уважительно

говорил Туринцев. Над его рабочим столом всю жизнь висели портреты С. Булгакова, Н. Бердяева и Н. Метнера.

В 1937 г. произошла встреча Туринцева с Татьяной Викторовной Милобедзской (1913–1950). В 1939 г. они поженились, а в 1942 г. у них родился сын Александр, в 1944 – дочь Мария. Жили бедно. Уже после войны, в 1948 г., Туринцев был рукоположен в диаконы, а в 1949 – в сан иерея, с назначением вторым священником Трехсвятительского подворья в Париже. С 1954 г. он – заместитель настоятеля подворья.

Отец Александр никогда не переставал ощущать себя русским человеком. Россией он жил, активно участвуя в жизни и деятельности приходов Московской Патриархии в Париже. Интересовался жизнью, положением церкви в Советской России. Посвящал все силы строительству нового храма Трех Святителей. В феврале 1955 г. принял участие в Съезде духовенства Западноевропейского экзархата Московской Патриархии, который проходил на Трехсвятительском подворье.

Может быть, это звучит несколько парадоксально, но в Парижской Богословской школе он получил православие в его истинно русском преломлении, расширенном до универсальности. Французскую литературу он знал не хуже русской. Достаточно было взглянуть на книжные полки его библиотеки, чтобы понять, какое место в эстетически-умственной сфере его жизни занимала французская культура:

книги Ш. Пэги, Ф. Мориака, П. Тейяр де Шардена, А. Бергсона, Ж. Бернаноса, М. Дрюона и др.

Своего настоящего призвания – служения церкви отец Александр никогда не забывал. До сих пор русские парижане помнят его еженедельные беседы в храме Трех Святителей на религиозные темы.

В 1961 г. Туринцев стал настоятелем Трехвсвятительского собора. Многие знали его как чуткого внимательного и остроумного собеседника, любившего жизнь во всем ее разнообразии. Многие талантливые, незаурядные, творческие люди тянулись к нему. Отец Александр был духовником писательницы Н. Тэффи, балерины Н. Вырубовой, поэтессы А. Шиманской, Т. Флавицкой. Ему дарили свои книги с дружескими, признательными надписями А. Ремизов, Л. Карсавин, С. Маковский, Ю. Терапиано, В. Варшавский, В. Мамченко, З. Шаховская, С. Прегель, О Берггольд, А. Межиров, Е. Евтушенко и др.

Прожив долгие годы в эмиграции *просто русским*, Туринцев только в 1966 г. (в силу житейских обстоятельств) принял французское гражданство. В 1960-1970 гг. он неоднократно по делам церкви приезжал в Москву.

Александр Александрович Туринцев скончался в Париже 25 декабря 1984 г. в сане протоиерея и погребен на кладбище Сент-Женевьев де Буа.

Как явствует из вышеприведенных высказываний Сергея Рафальского и Евгения Евтушенко, Туринцев не хранил свое поэтическое наследие. Настоящую книгу составили произведения, собранные по

журналам и газетам, по архивам Праги, Парижа и Москвы, опубликованные и никогда не публиковавшиеся. Жаль, что мы пока не можем ознакомиться с творчеством Туринцева полностью. Но даже этот небольшой сборник стихов дает представление о нем как о русском поэте.

Вячеслав Нечаев

ПРИМЕЧАНИЯ

Ст-ния, для которых не указан источник текста, печатаются впервые по рукописям из фонда А. А. Туринцева (Центральная научная библиотека Союза театральных деятелей).

Условные сокращения:

ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации. Ф. 6784. Оп. 1. Ед. хр. 95.

ЗН – журнал «Записки наблюдателя» (Прага). 1924. Кн. 1.

ППС – Поэты пражского «Скита». Стихотворные произведения / Сост., вступ. статья, коммент. О. М. Малевича. – СПб.: Росток, 2005.

Скит – «Скит». Прага. 1922–1940. Антология. Биографии. Документы / Вступ. статья, общ. ред. Л. Н. Белошевской; Сост., биографии Л. Н. Белошевской, В. П. Нечаева. – М.: Русский путь, 2006.

СП – журнал «Своими путями» (Прага).

В УСАДЬБЕ

1. Жмутся к ограде опавшие листья... ППС. С. 86.

Забывтые. ППС. С. 86. *Сморгонь* – город в Гродненской области (Белоруссия). С сентября 1915 г. по февраль 1918 г. через него проходила линия русско-германского фронта. В результате позиционных боев город был превращен в руины. Здесь проходили ожесточенные бои между белыми и красными.

Философия истории. ППС. С. 87.

«К колодцу – задыхаясь... – пуст!...». ЗН. С. 25.

Разлучная. ППС. С. 88–89; вторая половина (начиная со строки «По вольной по дороге») оформлена как самостоятельное ст-ние. Скит. С. 164; строфа «На раны – соль...» как самостоятельное ст-ние. Машинопись – ГАРФ. Л. 2–3.

«Не отпускает даже в логове...». ППС. С. 89–90.

«С недавних пор мне чудится всё чаще...». ЗН. С. 25–26.

«По мокрой каменной панели...». ППС. С. 91.

Эпизод. СП. 1924. № 1–2. С. 2.

Паровоз. Машинопись – ГАРФ. Л. 1, без загл. Печ. по рукописи.

«Он никогда не будет позабыт...». СП. 1924. № 1–2. С. 2.

Эпиграмма. «*Воля России*» – еженедельник, а затем общественно-политический и литературный журнал, издавался в Праге, затем в Париже. *Слоним* Марк Львович (1894–1976) – писатель, критик. Входил в редакцию журнала «*Воля России*».

Музыка. Скит. С. 164. Машинопись – ГАРФ. Л. 4. Туринцев познакомился с Цветаевой во время посещения

ею «Скита поэтов» в Праге. Данное стихотворение было отобрано для первой книги сборника «Версты», но опубликовано не было. О нем Цветаева писала соредктору по сборнику «Ковчег» В. Ф. Булгакову: «4) о Туринцевской “Музыке”. Согласна. Но если пойдет поэма Б<альмон>та с посвящением К<рачков>скому, не согласна – Некий параллелизм с Крачковским. – Не хочу. – А снять посвящение обидеть автора» (Цветаева М. Собр. соч.: В 7 тт. Т. 7. М.: Эллис Лак, 1995. С. 7). И далее: «О Туринцевском посвящении: мне это, в виду редакторства неприятно, но мой девиз по отношению у обществу, вообще: – ne daigne – т.е. не снисхожу до могущих быть толков. И, в конце концов, обижать поэта хуже, чем раздражать читателя» (Там же. С. 8).

«О, справедливей бешеная плеть...». ППС. С. 92.

Эмигрантское. Казачий путь (Прага). 1924. № 36, 10 окт. С. 2. *Налётов* Владимир Иванович (1884–1924) – полковник Корниловского конного полка, товарищ председателя Кубанской краевой Рады. Один из основателей и сотрудник правления Союза христианского студенчества в Пршибраме.

Конница. Воля России (Прага). 1925. № 11. С. 56–57.

На вокзале. СП. 1924. № 12–13. С. 3.

Послания. *Померанцев* Кирилл Дмитриевич (1906–1991) – поэт, журналист. Автор мемуаров «Сквозь смерть» (Лондон, 1986). С 1927 г. жил в Париже. *Pinard* (Пинар), *Vosne Romance* (Вон Романэ), *Aloxe-Corton* (Алосс-Кортон), *Pommard* (Поммар), *St. George Nuits* (Сен Жорж Ньюи) – вина Бургундии.

«Надрывается звонок, и трещит, и кричит...». Написано на смерть жены поэта Татьяны Викторовны, урожд. Милобендзкой (1913–1950).

Моя фильма. *Брей* Александр Александрович (1894–1931) – артист театра и кино, режиссер, декламатор. Актёр Второй студии МХАТ. В эмиграции жил в Праге, с 1928 г. – в Лондоне. Участник заседаний «Скита поэтов».

СОДЕРЖАНИЕ

«Потише, милая...»	5
«Как часто мы умели умирать...»	6
В УСАДЬБЕ	
I. «Жмутся к ограде опавшие листья...»	7
II. «Ветер воет, играя листвою...»	7
Забутые	9
Философия истории.....	10
«К колодцу – задыхаясь... – пуст!»	11
Разлучная.....	12
«Не отпускает даже в логове...»	15
«С недавних пор мне чудится всё чаще...»	17
«По мокрой, каменной панели...»	19
Эпизод	20
Паровоз	22
«Он никогда не будет позабыт...»	23
Эпиграмма.....	24
Музыка	25
«О, справедливей бешеная плеть...»	26
Эмигрантское	27
Конница.....	29
«Зачем всю жизнь стремилась ты, спеша...»	31
На вокзале	32
«Люблю бродить я по бильярдной...»	34
«Я устал усталостью последней...»	35
«Всё тот же мир...»	36
«Нет, ветхий человек во мне не умер...»	37
«Мне руки нежные твои...»	38

ПОСЛАНИЯ

1. «За спором шумным, бестолковым...»	39
2. «Ты далеко сейчас, над озером...»	39
3. «Свиданья день придет...»	40
«Надрывается звонок, и трещит, и кричит...»	41
Моя фильма	42
<i>Вячеслав Нечаев. Об Александре Туринцеве</i>	53
<i>Примечания</i>	64

Туринцев А.А.
Т87 Обрывистой тропой: Стихотворения. – М.: Водолей,
2012. – 88 с. (Малый Серебряный век).

ISBN 978-5-91763-123-3

Александр Александрович Туринцев (1896–1984), русский эмигрант первой волны, участник легендарного «Скита поэтов» в Праге, в 1927 г. оборвал все связи с литературным миром, посвятив оставшиеся годы служению Богу. Небольшое поэтическое наследие Туринцева впервые выходит отдельным изданием. Ряд стихотворений и поэма «Моя фильма» печатаются впервые.

ББК 84(2Рос=Рус)6
УДК 821.161.1



9785917631233

Тури́нцев Александр Александрович

Обрывистой тропой

Стихотворения

Литературно-художественное издание

Технический редактор *А. Ильина*

Корректор *Н. Федотова*

Подписано в печать 25.07.12. Формат 60x90/32

Бумага офсетная. Гарнитура Баскервиль. Печать офсетная.

Печ. л. 2.75. Тираж 100 экз. Заказ №

Издательство «Водолей»

127254, г. Москва, ул. Гончарова, 17-А, кор. 2, к. 23

E-mail: info@vodoleybooks.ru

Официальный сайт: <http://www.vodoleybooks.ru>

ФГУП Издательство «Известия» Управления делами Президента

Российской Федерации

Генеральный директор **Э.А. Галумов**

127994, ГСП-4, г. Москва, К-6, Пушкинская пл., д.5.

Контактные телефоны: 694-36-36, 694-30-20

e-mail: izd.izv@ru.net

МАЛЫЙ СЕРЕБРЯНЫЙ ВЕК

В СЕРИИ ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ:

Ещин Л. Е. Собрание стихотворений.
2005. – 80 с.

Эйснер А. В. Человек начинается
с горя: Стихотворения разных лет.
2005. – 72 с.

Дураков А. П. Один из солнечных
лучей: Собрание стихотворений.
2005. – 80 с.

Манухина Н. Л. Смерти неподвласт-
на лишь любовь: Стихотворения.
2006. – 80 с.

Эйгес Е. Р. Тихий шелест стихов:
Стихотворения. 2006. – 80 с.

Кржижановский С. Д. Книжная
душа: Стихотворения разных лет.
2007. – 88 с.

МАЛЫЙ СЕРЕБРЯНЫЙ ВЕК

В СЕРИИ ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ:

Щировский В. Е. Танец души: Стихотворения и поэмы. 2007. – 136 с.

Сабуров А. А. Будем с верою радости ждать: Стихотворения. 2007. – 80 с.

Штих А. Л. Истлевших лет живые сны: Избранные стихотворения. 2008. – 128 с.

Скрябин А. Н. Поэма экстаза. 2008. – 128 с.

Нейштадт В. И. Пейзаж с человеком: Стихи и воспоминания. 2008. – 128 с.

Кискевич Е. М. Ноктюрн душе: Стихотворения. – 2008. – 128 с.

Феррари Е. К. Эрифилли. – 2009. – 80 с.

Штих М. Л. Зарытый в глушь немых годин: Стихотворения 1917–1922 гг. – 2009. – 96 с.

МАЛЫЙ СЕРЕБРЯНЫЙ ВЕК

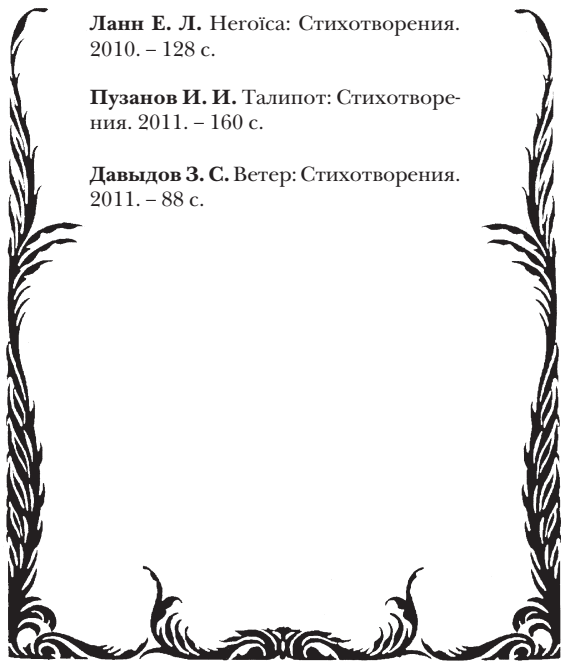
В СЕРИИ ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ:

Бем И. А. Орфей: Стихотворения.
2010. – 96 с.

Ланн Е. Л. Негойса: Стихотворения.
2010. – 128 с.

Пузанов И. И. Талипот: Стихотворения.
2011. – 160 с.

Давыдов З. С. Ветер: Стихотворения.
2011. – 88 с.



МАЛЫЙ СЕРЕБРЯНЫЙ ВЕК

В СЕРИИ ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ:

Ещин Л. Е. Собрание стихотворений.
2005. – 80 с.

Участник Первой мировой и Гражданской войн, офицер армии А. В. Колчака Леонид Ещин (1897-1930) сочинял стихи в условиях Ледового похода – отступления к Приморью. Записал и издал он их лишь в 1921 году во Владивостоке («Стихи таежного похода»). Позднее Ещин жил в Харбине, где и погиб в нищете, оставив расплывшиеся в периодике стихи и небольшой рукописный архив. В книгу вошли все выявленные стихотворения поэта.

Эйснер А. В. Человек начинается с горя: Стихотворения разных лет.
2005. – 72 с.

В книгу вошли практически все сохранившиеся оригинальные стихотворения и избранные переводы Алексея Эйснера (1905-1984) – поэта, никогда не издавшего поэтической книги, друга Цветаевой и Эренбурга, участника Гражданской войны в Испании и узника сталинских концлагерей.

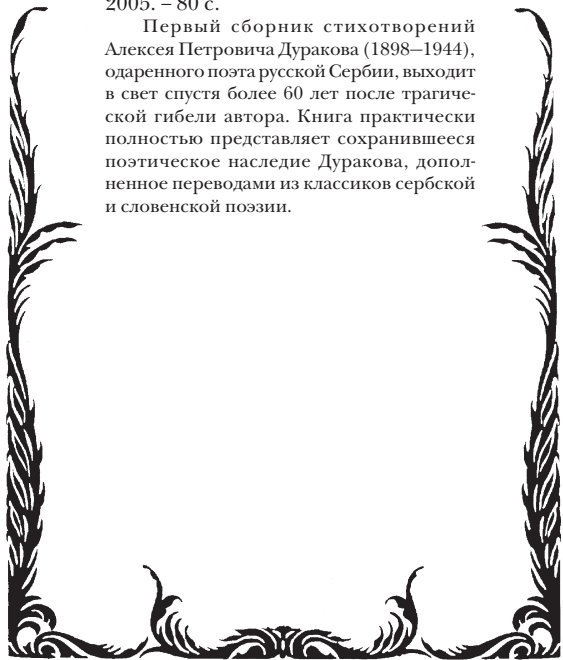
Книга выходит к столетию со дня рождения поэта.

МАЛЫЙ СЕРЕБРЯНЫЙ ВЕК

В СЕРИИ ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ:

Дураков А. П. Один из солнечных лучей: Собрание стихотворений. 2005. – 80 с.

Первый сборник стихотворений Алексея Петровича Дуракова (1898–1944), одаренного поэта русской Сербии, выходит в свет спустя более 60 лет после трагической гибели автора. Книга практически полностью представляет сохранившееся поэтическое наследие Дуракова, дополненное переводами из классиков сербской и словенской поэзии.



МАЛЫЙ СЕРЕБРЯНЫЙ ВЕК

В СЕРИИ ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ:

Манухина Н. Л. Смерти неподвластна лишь любовь: Стихотворения. 2006. – 80 с.

Н. Л. Манухину (1893–1980, псевдоним – по первому мужу) при советской власти травили всю жизнь; рецензии на единственный сборник «Не то...», изданный в захолустном Кашине (1920), были убийственны: «Ей, <...> очень не по себе в нашей варварской стране». В 1927 г. поэтесса вышла замуж за поэта, переводчика, филолога Г. Шенгели, а когда в 1956 г. его не стало – четверть века разбирала и берегла архив.

Собрание стихотворений Н. Манухиной выходит впервые и приурочено к пятидесятилетию со дня смерти Георгия Шенгели.

МАЛЫЙ СЕРЕБРЯНЫЙ ВЕК

В СЕРИИ ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ:

Эйгес Е. Р. Тихий шелест стихов:
Стихотворения. 2006. – 80 с.

Имя Екатерины Эйгес (1890–1961) почти неизвестно даже среди историков русской поэзии начала XX века. Ее помнят разве что как верную и ни на что не претендовавшую подругу Сергея Есенина. Между тем ее стихи появлялись в печати в 1910–1913 гг., писала она и позже. Наследие Эйгес невелико, но должно быть сохранено для ценителей русской поэзии Серебряного века. Эту задачу и призвано выполнить настоящее издание.

Кржижановский С. Д. Книжная душа: Стихотворения разных лет. 2007. – 88 с.

Из всех литературных открытий постсоветской эпохи явление С. Д. Кржижановского (1886–1950) из полного небытия было самым ошеломительным. Поэтическое наследие писателя не вошло в собрание его сочинений. Книгу составили стихи, которые Кржижановский еще в 1910-е годы печатал в киевских газетах и потом всю жизнь изредка записывал на полях прозы, а также поэтические переводы.

МАЛЫЙ СЕРЕБРЯНЫЙ ВЕК

В СЕРИИ ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ:

Щировский В. Е. Танец души: Стихотворения и поэмы. 2007. – 136 с.

Одним из вершинных достижений русской поэзии в 1930-е годы стало творчество В. Е. Щировского (1909–1941). Поэт погиб в Керчи под бомбежкой; чудом сохранилась часть его архива. Эта книга – единственное собрание произведений Щировского. В нее вошли также краткие воспоминания о нем А. Н. Доррер, подруги жены поэта.

Сабуров А. А. Будем с верою радости ждать: Стихотворения. 2007. – 80 с.

Потомок древнего боярского рода; племянник композитора Н.К. Метнера и философа Э.К. Метнера, ученик И.А. Ильина, – кем мог бы стать А. А. Сабуров (1902–1959) в свободной стране?.. А в России его лирика его до сих пор оставалась неизвестной читателям. Основу книги составляет тетрадь стихотворений А.А. Сабурова, датированная 1925 годом.

МАЛЫЙ СЕРЕБРЯНЫЙ ВЕК

В СЕРИИ ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ:

Штих А. Л. Истлевших лет живые сны: Избранные стихотворения. 2008. – 128 с.

А. Штих (1890–1962) если и известен любителям поэзии, то только по биографиям Б. Пастернака в качестве друга его юности и адресата многочисленных писем. Единственная его книга, изданная в 1916 г., сегодня сохранилась в единичных экземплярах. Настоящее издание дает возможность познакомиться с творчеством поэта достаточно самобытного, но так и не узнавшего прижизненной известности.

Скрябин А. Н. Поэма экстаза. 2008. – 128 с.

Бурный талант А. Н. Скрябина (1872–1915) был на удивление многогранен и синтетичен. Есть в его творческом наследии и стихи. Лучшие из них, вместе с сонетами В. Брюсова, Вяч. Иванова и К. Бальмонта, посвященными безвременной смерти гениального композитора, способны прояснить феномен творца-подвижника, Прометея, попытавшегося волшебной силой искусства преобразить мир, пусть даже и ценой собственной гибели.

МАЛЫЙ СЕРЕБРЯНЫЙ ВЕК

В СЕРИИ ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ:

Нейштадт В. И. Пейзаж с человеком: Стихи и воспоминания. 2008. – 128 с.

Владимир Ильич Нейштадт (1898–1959) известен любителям поэзии как переводчик с немецкого. Однако всю жизнь он писал стихи, которые не публиковались после 1930-х годов, а в 1950-е создал и автобиографию, которая почти 60 лет пролежала в архиве. Книга представляет читателю В. И. Нейштадта – поэта и мемуариста.

Кискевич Е. М. Ноктюрн душе: Стихотворения. – 2008. – 128 с.

Е. Кискевич (1891–1945) в эмиграции оставался практически безвестен. Его творческое наследие – два тонких сборника и несколько стихотворений в альманахах «Зодчий» и «Литературная среда». Во время Второй мировой войны Кискевич остался в Белграде и был расстрелян без суда и следствия при вступлении советских войск в столицу Югославии.

Настоящее издание включает всё сохранившееся поэтическое наследие Евгения Кискевича.

МАЛЫЙ СЕРЕБРЯНЫЙ ВЕК

В СЕРИИ ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ:

Феррари Е. К. Эрифилли. – 2009. – 80 с.

Елена Феррари (О. Ф. Голубовская, 1889–1938), выступившая в 1923 году с воспроизводимым здесь поэтическим сборником «Эрифилли», была заметной фигурой «русского Берлина» в период его бурного расцвета. Ее литературные дебюты вызвали горячий интерес М. Горького и В. Шкловского. Участие в собраниях Дома Искусств сделало Елену Феррари одной из самых активных фигур русской литературной и художественной жизни в Берлине накануне ее неожиданного возвращения в советскую Россию в 1923 г. Послесловие Л. С. Флейшмана «Поэтесса-террористка», раскрывая историко-литературное значение поэтической деятельности Елены Феррари, бросает свет также на «теневые», малоизвестные обстоятельства ее загадочной биографии.

МАЛЫЙ СЕРЕБРЯНЫЙ ВЕК

В СЕРИИ ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ:

Штих М. Л. Зарытый в глушь немых годин: Стихотворения 1917–1922 гг. – 2009. – 96 с.

Михаил Штих (1898–1980) – профессиональный журналист, младший брат Александра Штиха, близкого друга Бориса Пастернака. В юности готовился к карьере скрипача, однако жизнь и превратности Гражданской войны распорядились иначе. С детства страстно любил поэзию, чему в большой степени способствовало окружение и интересы старшего брата. Период собственного поэтического творчества М. Штиха краток: он начал сочинять в 18 лет и закончил в 24. Его стихи носят характер исповедальной лирики и никогда не предназначались для публикации. Однако, несмотря на юность автора, они талантливы и самобытны, и представляют несомненный интерес как для специалистов – исследователей поэзии начала XX века, так и для широкого круга любителей русской словесности. Стихотворения М.Л. Штиха публикуются по документам, хранящимся в личном архиве С.В. Смолицкого.

МАЛЫЙ СЕРЕБРЯНЫЙ ВЕК

В СЕРИИ ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ:

Бем И. А. Орфей: Стихотворения. 2010. – 96 с.

Поэтесса Ирина Бем (1916–1981), дочь литературоведа и философа А. Л. Бема, в эмиграции оказалась с 1919 года: сперва в Белграде, затем в Варшаве и с 1922 года – в Праге. Входила в пражский «Скит поэтов», которым руководил ее отец. В 1943 году в Праге нетипографским способом вышел единственный ее поэтический сборник – «Орфей». После гибели отца переехала в Восточную Чехию, преподавала французский и латынь.

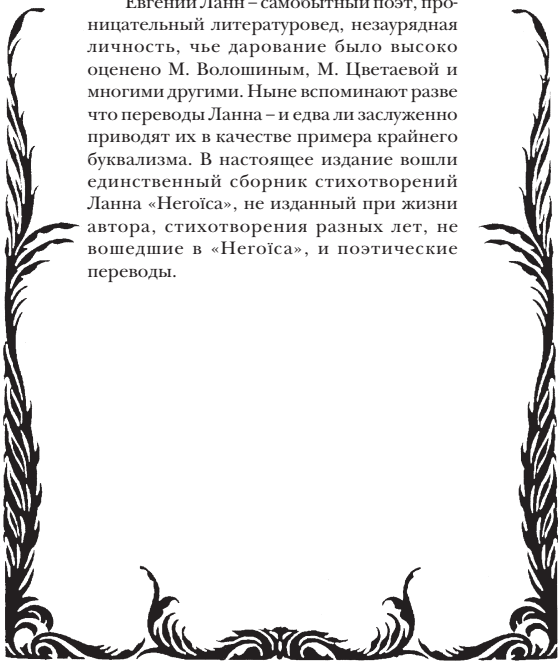
Настоящее издание составили стихи и переводы из авторского собрания «Стихи разных лет. Прага 1936–1969» (машинопись). Больше половины из них публикуется впервые. В книгу также вошли письма А. Тесковой, В. Морковина, Е. Кист к И. Бем.

МАЛЫЙ СЕРЕБРЯНЫЙ ВЕК

В СЕРИИ ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ:

Ланн Е. Л. Негоїса: Стихотворения.
2010. – 128 с.

Евгений Ланн – самобытный поэт, проницательный литературовед, незаурядная личность, чье дарование было высоко оценено М. Волошиным, М. Цветаевой и многими другими. Ныне вспоминают разве что переводы Ланна – и едва ли заслуженно приводят их в качестве примера крайнего буквализма. В настоящее издание вошли единственный сборник стихотворений Ланна «Негоїса», не изданный при жизни автора, стихотворения разных лет, не вошедшие в «Негоїса», и поэтические переводы.



МАЛЫЙ СЕРЕБРЯНЫЙ ВЕК

В СЕРИИ ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ:

Пузанов И. И. Галипот: Стихотворения. 2011. – 160 с.

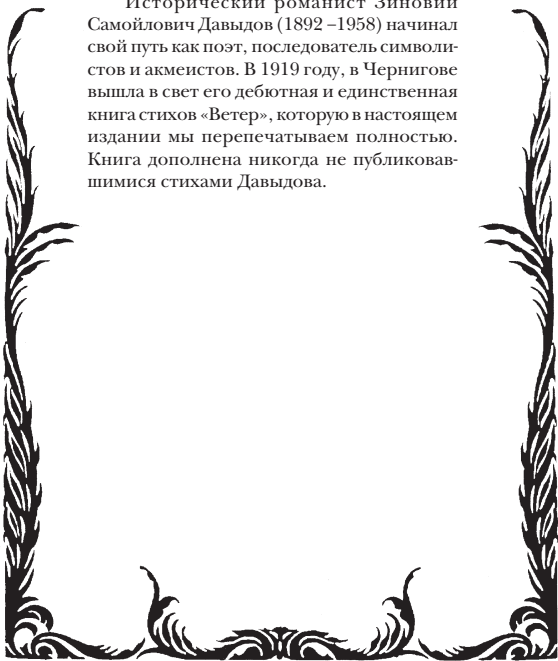
И.И. Пузанов (1885, Курск – 1971, Одесса), один из крупнейших зоогеографов советского времени, в литературе всегда оставался скорее ученым, чем поэтом, – его стихи лишь эпизодически появлялись в периодической печати. Как переводчику, И. Пузанову принадлежит перевод практически полного свода поэтических и критических произведений Леконта де Лиля, но эта работа осталась неизвестной читателю. В книгу вошли избранные стихотворения, поэма «Даткал» и фрагменты воспоминаний о М.А. Волошине.

МАЛЫЙ СЕРЕБРЯНЫЙ ВЕК

В СЕРИИ ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ:

Давыдов З. С. Ветер: Стихотворения.
2011. – 88 с.

Исторический романист Зиновий Самойлович Давыдов (1892–1958) начинал свой путь как поэт, последователь символистов и акмеистов. В 1919 году, в Чернигове вышла в свет его дебютная и единственная книга стихов «Ветер», которую в настоящем издании мы перепечатываем полностью. Книга дополнена никогда не публиковавшимися стихами Давыдова.



**Книги серии «Малый Серебряный век»
издательства «Водолей»
можно приобрести в следующих магазинах Москвы:**

Галерея книги «НИНА»
Москва, ул. Бахрушина, 28
тел. (495) 959-21-03. (495) 959-20-94

Книжный магазин «Русское зарубежье»
109240, Москва, ул. Н.Радищевская, 2
тел. (495) 915-00-83, (495) 915-27-97

**Книжная лавка при Литературном институте
им А.М.Горького**
123104, Москва, Тверской б-р, 25
тел. (495) 694-01-98

Книжный магазин «Фаланстер»
109012, Москва, М. Гнезниковский пер., 12\27
тел. (495) 749-57-21

Оптовая торговля: ООО «КнАрт»
E-mail: knarttd@mail.ru тел. 8-916-119-67-20